

## БЕЛОРУССКАЯ ВЕРСИЯ «9/11»

Журнал *ARCHE* 1, 2 – 2011

(19 сьнежня 2010: Плошча)



Если трактовать «временную дистанцию» в качестве преимущества наблюдательной позиции (поскольку, как настаивает Гадамер, такая дистанция позволяет отделить «мух» от «котлет» и увидеть вещи в их истинном свете), авторы первого в 2011 г. (сдвоенного) номера журнала *ARCHE* оказываются в сложном положении. События 19 декабря случились совсем недавно, люди погружены в атмосферу депрессии, политически активные писатели должны как-то определиться по отношению к сложной нравственной проблеме политических заключённых, не впадая при этом в истерику, столь препятствующую «объективному анализу». С другой стороны, у такой временной позиции имеются и свои преимущества, поскольку первые «аналитические» реакции на исторические события 19 декабря закладывают определённый *path dependence* (колею) всех последующих восприятий и трактовок. В этом смысле участники указанного номера располагают явными преимуществами, в то время как сам журнал становится одним из ключевых исторических документов, многопланово фиксирующих «12/19», эту белорусскую версию «9/11».

РЕЦЕНЗИИ

Значительная часть номера отдана двум объёмным аналитическим отчётам, посвящённым избирательной кампании 2010 г. (напечатаны с сокращениями) – правозащитного центра «Весна» и Белорусской ассоциации журналистов, – которые довольно широко публиковались в различных изданиях. Не останавливаясь на этих документах, отмечу, что они остаются и будут оставаться хорошим базовым подспорьем для последующих анализов. Имеются в номере и другие значимые перепечатки, прямо либо косвенно касающиеся проблематики «диалога» и его драматического разрешения. Особняком стоит статья Виталия Силицкого *Русифікацыя + каланіялізм = грамадзянская нацыя? Сацыялогія моўна-культурнага пытання ў Беларусі* (которая базируется на результатах исследований Белорусского института стратегических исследований). Особняком в том смысле, что она связана не столько с тематической установкой данного выпуска журнала, сколько с его «периодической» установкой. Наконец, базовый контент номера составлен из двух основных частей – репортажной (фотографии, рисунки, свидетельства очевидцев событий) и аналитической, которая преимущественно отстраивается как репортажная.

В качестве замечания на полях: обычно я полагал, что пересказ событий (в частности, с презумпцией «я сам это видел») не является их анализом, но в данном случае отклонения оправданы. Скажем так: будем полагать это особенностью данного выпуска *ARCHE*, и это в принципе не должно снижать значимость размещённых здесь анализов (не говоря уже о репортажах и иллюстративном материале, которые выше всяких похвал).

Теперь следовало бы перейти к контенту, в котором я выделил бы три доминанты.

**1. Провокация, случайность, историческая ирония, солидарность?** Говоря коротко, первая тематическая линия связана с вопросом: спровоцирован ли штурм Дома правительства белорусскими спецслужбами (варианты: лидерами оппозиции, Кремлём), или же он случился спонтанно? Легко предугадать, что ответы на данные вопросы варьируют от статьи к статье. Одни авторы допускают, что имела место провокация спецслужб, другие настаивают на случайности (см., например, с. 110). В абсолютном меньшинстве оказываются те, кто, подобно Денису Мельянцову, указывает на конкретные личности:

«Хроніка падзеяў ад *Хартыі-97*, размешчаная на Фэйсбуку, аднак сведчыць пра тое, што штаб Андрэя Саннікава цалкам падтрымліваў ідэю штурму Дома ўрада і што штурм здзяйснялі ўдзельнікі акцыі, а не правакатары, як гэта падавалі журналісты і асобныя кандыдаты ў прэзідэнты» (с. 119).

Однако вне зависимости от того, признаётся факт провокации или нет, участники номера принципиально сходятся в том, что лидеры оппозиции – они же кандидаты на пост президента РБ – не контролировали ситуацию, т. е. были не в состоянии управлять

толпой (поскольку провокациям, как явно или подспудно авторы полагают, можно более или менее эффективно противостоять). Это обстоятельство вменяется им в вину (с различной степенью акцентирования внимания на этой вине).

И всё же: массовость или контроль? Толпа или дисциплинарный порядок? Это противоречие в высшей степени показательно для белорусского интеллектуального сообщества. С одной стороны, это сообщество адресует упреки партийной оппозиции в том, что та не выходит за пределы «оппозиционного гетто», с другой – упрекает в том, что, фактически выйдя за пределы этого гетто и тем самым обеспечив массовость, она эту массовость не контролирует. Но для того чтобы контролировать толпу, необходимо располагать специалистами, которые умеют это делать, причём должно быть определённое соотношение этих специалистов и «толпы»: 1 к 10, 1 к 20 или 1 к 100 – я точно не знаю, хотя об этом можно спросить, скажем, у организаторов футбольных матчей и других массовых зрелищ. Известно, что когда А. Лукашенко встречается с «толпой» рабочих, скажем, Минского автозавода, то её состав предварительно фильтруется, и эта толпа контролируется специально обученными людьми. Таким образом, коллектив авторов данного номера обозначает скрытый ответ на один из ключевых вопросов *Площади*: де-факто оппозиционные лидеры не планировали захвата Дома правительства и не строили планов относительно контроля над толпой, то есть не формировали специальных «революционных» структур.

**2. Почему Площадь не победила?** Именно в силу указанного выше обстоятельства.

«Каб выстаець, трэба было паўмільёна, – настаівае блоггер байнета, учаснік сабытій 19 декабря *Silver Wraith*. – Таму што перамагчы такім спосабам было немагчыма. Дыктатуры не падаюць падчас “выбараў” – у часы дыктатуры не бывае выбараў. У большасці тых, хто прыйшоў, былі не проста мірныя мэты – мэты былі чыста сузіральныя. Рэвалюцыйна настроенай *Плошча* сапраўды не была» (с. 115).

Итак, революции не было, не было и революционной организации, которая могла бы всё это дело проверить, и всё, что было (в том смысле, что соответствующие факты можно некоторым образом верифицировать), – это призыв кандидатов в президенты к людям выйти на улицы и опротестовать результаты «выборов», а также последующий массовый протест.

Вопрос о том, «чаму *Плошча* не перамагла» можно переформулировать следующим образом: какие условия должны быть выполнены для того, чтобы это случилось? Несложно допустить, что многие авторы описываемого номера *ARCHE* хотели бы знать ответ на данный вопрос, но во всей своей полноте он ставится в единственной статье – переводном репринте *Революция без насилия?* за авторством бывшего заместителя генерального секретаря ООН Брайана Уркварта. Статья, в свой черёд, является рецензией на две

книги.<sup>1</sup> Анализируя сконцентрированные в них статьи, автор приходит к глубоко печальному (в нашем контексте) выводу: шансы гражданского сопротивления на успех тем выше, чем мягче условия, в которых приходится действовать. Свободная пресса, нетерпимость общества к насилию, высокая политическая ответственность граждан (т. е. относительно широкое распространение элементов демократической политической культуры) способствуют успеху гражданского сопротивления, в то время как подавление свободы прессы, высокая терпимость к насилию и политическая безответственность граждан – наоборот, не способствуют. Анализируя успех Ганди по следам авторов рецензируемых сборников, Уркварт заключает, что

«вучэнне Гандзі і яго філасофія ненасілля і “сацьяграхі” (“сілы праўды” ці “духоўнай сілы”) сталася новым элементам індыйскай ідэнтычнасці і нацыянальнага гонару. Менавіта гэтыя палітычныя і духоўныя пераўтварэнні, а не сам па сабе грамадзянскі супраціў урэшце і зрабілі праўленне брытанцаў немагчымым» (с. 256).

С другой стороны, отсутствие атмосферы толерантности и неготовность СССР признать поражение социалистической модели общества привели к ещё большим репрессиям в отношении граждан. Что касается успеха польской «Солидарности», которую так часто ставят белорусам в пример, то этот путь занял без малого 20 лет (включая введение военного положения) и достиг успеха только после прихода к власти в СССР М. Горбачёва с его идеями «перестройки» (с. 258).

В концентрированном виде эти заключения можно было бы выразить на манер известного политолога, специалиста по системам государственного управления Люкана Вэя: чем легче власть идёт на применение насилия, тем ниже шансы на успех гражданского (или ненасильственного) сопротивления. И наоборот. Таким образом, получается, что успех *Плошчы* как символа гражданского сопротивления фактически зависит от доброй воли властей. Девятнадцатого декабря 2010 г. белорусский режим доброй воли не проявил. Он проявил злую волю к насилию – и это обстоятельство прямоком подводит нас к ключевой тематической линии.

3. **Насилие.** Репортажи, фотографии и другие документальные материалы (включая копии постановлений судов) буквально кричат о том, что «толерантные» белорусы очень склонны к насилию. Или, говоря проще, могут быть квалифицированы как грубые варвары на фоне своих европейских соседей. Тема насилия так или иначе присутствует во всех материалах номера *ARCHE*. Юные блогеры и маститые авторы воленс-ноленс склоняются к вопросу о том, зачем, почему и ради чего насилие было применено в масштабах, превос-

<sup>1</sup> Roberts A., Ash T.G. (eds.) *Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present*. Oxford University Press, 2009. 407 p.; Ash T.G. *Facts Are Subversive: Political Writing from a Decade Without a Name*. Yale University Press, 2010. 441 p.

ходящих условно нормативный уровень. Покидая пределы *ARCHE*, можно продолжить в том же духе: не слишком ли суровые приговоры вынесены Санникову, Статкевичу и другим, менее именитым участникам событий 19 декабря? Не менее интересен вопрос о том, зачем властям потребовалась вся эта игра в «диалог» и «выборы» накануне столь драматической развязки?

«Напярэдадні маштабнай прыватызацыі рэжыму патрабавалася ўзмацненне кантролю над грамадствам, насаджэнне страху ў штодзённым жыцці і прэзентаванне беларускіх уладаў як маналітнай структуры, здольнай утрымацца пры любых абставінах» (с. 231).

Это, разумеется, хороший ответ на поставленный вопрос – хороший в том смысле, что ясный, краткий и его легко запомнить. И всё же это неверный ответ – как раз здесь мы можем говорить о преимуществах исторической дистанции (пусть даже очень короткой). Ибо никакой масштабной приватизации после «запугивания» людей не последовало, и пока такая приватизация даже не предвидится. Более того, оглянитесь, посмотрите: «насаждение страха» вовсе не привело к андроповской дисциплине (как её видит и жаждет Лукашенко), оно прямо способствовало утрате легитимности власти и, как следствие, утрате доверия к национальной валюте. И теперь Лукашенко в принципиально унижительной позе просит у России 3 миллиарда долларов стабилизационного кредита, в то время как накануне выборов ровно эту сумму ему предлагали контрагенты «диалога» с западной стороны.

Почему насилие было применено, почему оно было применено в столь грандиозных масштабах? Почему в белорусском обществе столько насилия? (Теракт «4/11» функционирует как отголосок этих вопросов.) Эти вопросы остаются открытыми, авторы журнала на них не отвечают. Насилие в нынешних вполне комфортных (даже в контексте Беларуси) «евроусловиях» процветает некой аномалией. Но процветает. «19 декабря» – это аномалия (в чём убеждено подавляющее большинство авторов номера). И, следовательно, эти вопросы должны ставиться вновь и вновь.

*Анатолий Паньковский*

Формат 70x100  $\frac{1}{16}$ . Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,86. Тираж 300 экз.

Отпечатано: «Petro Ofsetas»  
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius